

Тугутов Алексей Иосифович

ПРОБЛЕМА ПРЕДВИДЕНИЯ БУДУЩЕГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МОНГОЛЬСКИМ, КИТАЙСКИМ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Статья посвящена проблеме предвидения будущего средневековыми монголами. В качестве маркеров рассматриваются вещие сны, пророчества, сакральная символика, гадания, аналитическое прогнозирование, представленные в "Сокровенном сказании монголов" и в записках китайских и западноевропейских путешественников. Анализируются историко-литературные, фольклорно-мифологические и религиозные аспекты темы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 164-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.091[821.512.36+821.581+821.124]"653":398.1:99.4

Статья посвящена проблеме предвидения будущего средневековыми монголами. В качестве маркеров рассматриваются вещи сны, пророчества, сакральная символика, гадания, аналитическое прогнозирование, представленные в «Сокровенном сказании монголов» и в записках китайских и западноевропейских путешественников. Анализируются историко-литературные, фольклорно-мифологические и религиозные аспекты темы.

Ключевые слова и фразы: средневековая монгольская литература; прорицания; гадания; прогнозирование; фольклорно-мифологические символы; судьба Темуджина - Чингис-хана; тэнгрианство; христианство.

Алексей Иосифович Тугутов, кандидат искусствоведения, доцент
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
uliger@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРЕДВИДЕНИЯ БУДУЩЕГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МОНГОЛЬСКИМ, КИТАЙСКИМ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫМ ИСТОЧНИКАМ)©

Литературно-исторические памятники сохраняют в себе свидетельства о разных сторонах жизни эпохи и обитавших тогда народов. В средневековых произведениях неизбежно присутствует сакральная тема в силу того, что сфера чудесного занимала весьма заметное место в мироощущении людей того времени. В данной статье коснемся одного из аспектов этой темы - желания человека предугадать свою судьбу, близкое или далекое будущее. Это стремление, базируясь на общей для всех людей психологической потребности, получало различное выражение у разных народов в зависимости от культурных и, в том числе, от религиозных традиций. Так, например, в Древнем Египте и в Древней Греции феномен прорицания получил сакральное оформление в виде института оракулов и жрецов. Ветхий Завет пронизан откровениями пророков. В то же время христианство отрицательно относится к практике гаданий.

Одной из культур, где прорицания занимали значительное место, является средневековая монгольская культура. Об этом можно судить на материале «Сокровенного сказания монголов» (далее *ССМ*) - «Монголын нууц товчоо» (первая треть XIII в.). В тексте *ССМ* указываются разные способы прорицаний. Первой пророчествует Алан-гуа в ответ на упреки, что вдовой, после кончины мужа, родила троих младших своих сыновей. Она утверждает, что зачала от небесного посланника, спускавшегося к ней по ночам в виде потоков света и обретавшего облик светло-желтого человека, сохраняя, таким образом, световую свою природу. Полубожественность происхождения этих сыновей предвещает им, по ее словам, судьбу избранников Неба на земле: «станут всеобщими ханами» [7; 8, § 21] (здесь и далее перевод на русский язык наш - *А. Т.*). Ее пророчество исполнится спустя много поколений в факте возвышения Чингис-хана. Смысл ее прорицания будет постепенно уточняться через неоднократные предсказания современников Чингис-хана. Сначала Дай-сэцэн рассказывает своим гостям, девятилетнему подростку Темуджину, будущему Чингис-хану, и его отцу Есугей-батору свой сон о белом соколе, который, «*зажав в когтях солнце и луну*», садится на его руку [Там же, § 63]. Дай-сэцэн сам изумлен своим предвидением: оказывается, сон предвещал приезд именно этих гостей, поскольку их родовым знаком является сокол. Фигурирующие в его сне цвет птицы, космический масштаб связанных с ней атрибутов - солнца и луны - перекликается с рассказом Алан-гуа. Тем более, что Дай-сэцэн вспоминает, что с соколом «*Белый [свет] низошел*» [Там же]. Таким образом, фольклорно-мифологические образы Небесного света и Небесного избранничества здесь также неразрывно связаны, хотя, как и в пророчестве Алан-гуа, присутствует некоторая неопределенность, в чем же заключается миссия этого избранничества. Лишь в предсказании прорицателя Хорчи, внушенном ему зааринами - небесными посланниками, своего рода ангелами древнемонгольской религии тэнгрианства [6, с. 109-133] - культа Вечного Синего Неба - наконец-то уточняется истинный смысл предыдущих пророческих месседжей: «*Небо и Земля сошлись в согласии: быть Темуджину хозяином страны!*» [7; 8, § 121]. В видении Хорчи фигурирует рыжеватый вол. Известно, что бык и другие крупные рогатые животные, как и большие хищные птицы - орлы, ястребы, соколы - соотносились в древности с солярным культом [4, с. 135-137; 5, с. 823, 838-839, 849, 851]. В сложной мифологической семантике эти образы связывались также с идеей верховной власти. Мифологические мотивы искусно переплетены в «Сокровенном сказании» с актуальным хроникальным и бытовым повествованием, реалистически воспроизводящим характеры и подробности жизни описываемой эпохи - Монголии XII-XIII вв.

Рассмотренные предсказания относятся к разным типам прорицания. Рассказ Алан-гуа - это пророчество, сон Дай-сэцэна - вещий сон, наконец, предвидение Хорчи - это религиозно-мистическое откровение. Общим для них всех является сакральный характер. К области чудесного можно отнести и некоторые знамения, внешне выглядящие как обычные бытовые случаи и происшествия. В частности, Темуджин воспринимает как Небесное предостережение соскользнувшее с лошади седло или неожиданно возникший на пути валун, когда он хотел выйти из горной чащобы, где прятался от внезапно напавших врагов [7; 8, § 103]. Однако текст *СМС* не дает возможности однозначно трактовать такие знаки как феномены из области чудесного. Ведь им можно найти и обыденную трактовку, объяснив, например, стрессовым состоянием юноши, загнанного врагами в глухой лес и долго не выходявшего оттуда.

Помимо всех вышеуказанных типов прорицаний, в *ССМ* присутствуют и более приземленные попытки предвидения будущего. В частности, Мэнлик-эцэг отговаривает Чингис-хана от поездки к Ван-хану, пригласившего на пир по случаю свадебного сговора их детей. Зная психологию Ван-хана, Мэнлик-эцэг справедливо подозревает в приглашении заговор с целью убийства. В наградном указе 2006 г. по случаю создания Великого монгольского государства Чингис-хан упоминает все случаи предвидения будущего, благодаря которым стало возможным это знаменательное событие, и щедро награждает всех, кто выступил в свое время с оправдавшимися чудесными прорицаниями или с аналитическим вероятностным прогнозированием, включая и Мэнлик-отца [Там же, §§ 205-207]. В частности, военачальникам Боорчи и Мухали в заслугу ставятся не их многочисленные боевые заслуги, а интеллектуальные - правильные советы. Они *«привели меня к этому высокому престолу, поддерживая меня в правильных делах, увещевая меня от ошибок»* [Там же, § 205].

В «Сокровенном сказании» не упоминаются гадания или предсказания по бытовым, повседневным нуждам. О них можно судить по свидетельствам китайских и западноевропейских сочинений.

В частности, в «Мэн-да бэй-лу», китайском источнике начала XIII в., в китайских комментариях к нему и в современных комментариях Н. Ц. Мункуева говорится о чисто монгольском способе гадания по бараньей лопатке: «При гадании о счастье и несчастье, наступлении и отступлении, резне и походе каждый раз берут баранью лопатку, разламывают ее в огне железным молотком и смотрят трещины на ней, чтобы решить важное дело. [Это] похоже на китайское гадание на черепаховых панцирях» [1, с. 79].

Эти сведения подтверждаются другими источниками: «В Хэй-да ши-люе [сказано]: «Что касается их гадания, то [татары] сжигают баранью лопатку и, смотря по благоприятности узоров на ней, определяют счастье и бедствие, отказывает или дарует Небо. Этим решается все. [Они] верят в это очень искренне»» [Там же]. Гадание по кости было распространено среди многих народов. Комментируя английскую практику гадания по бараньей лопатке, Э. Тайлор считал, что скапулимантия (или омплатоскопия) распространилась на другие страны, возможно, из Монголии, где она «существует с древнейших времен» [3, с. 99]. Путешественники отмечали, что могущественные властители лично использовали скапулимантию. Сун Цзы-чжэня в своем труде «Чжун-шу лин Елюй гун шэнь-дао бэй» пишет о гадании самого Чингис-хана, который, пользуясь традиционным монгольским способом, «перепроверял» гадания Елюй Чу-цай: Чингис-хан «каждый раз перед выступлением в карательный поход непременно приказывал его превосходительству (Елюй Чу-цаю - А. Т.) заранее погадать о счастье и бедствии. Император также сжигал баранью бедренную кость, чтобы сличить с ним результаты» [1, с. 79]. Елюй Чу-цай - потомок царственного рода кидан, отличался широкими энциклопедическими знаниями, в том числе, в области астрологии.

Гильом де Рубрук, посетивший Монголию в 1253 г., подробно пишет о регулярных сеансах гадания Мунке-хана по обожженным бараньим лопаткам. На одной из аудиенций хан сказал этому монаху-францисканцу, посланцу французского короля, что «вам Бог дал писание, и вы не храните его; нам же Он дал гадателей, и мы исполняем то, что они говорят нам, и мы живем в мире» [2, с. 169-170]. Эти слова Мунке-хана выразительно говорят о значимости жрецов-прорицателей в качестве посредников, толкователей воли Бога или, согласно религиозным представлениям древних и средневековых монголов, Вечного Синего Неба. Здесь монгольский хан предстает знатоком теологии, интересующимся вопросами различий и сходства религий. Осведомленность хана в вопросах христианства не вызывает сомнения хотя бы по той причине, что его мать Соргактани-беки была христианкой-несторианкой. Однако сам он не изменял традиционной монгольской вере в Вечное Небо.

При одной из встреч Рубрук отмечает, что Мунке-хан взял в руки принесенный несторианами крест: «я не видел того, чтобы он поцеловал его или поклонился ему, а хан только глядел на него, спрашивая о чем-то» [Там же, с. 149]. Похоже, что Мунке-хан здесь поступает также как при гадании по бараньей лопатке: «держит их, размышляет о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступать к нему или нет» [Там же, с. 145]. Процедура размышления является неотъемлемым этапом гадания. Ведь, в зависимости от характера трещин по кости, возможны около ста вариантов ответа.

В мантике важна роль толкования. Одно переходит в другое: необходимость гадания осознается предварительным осмыслением житейской или военно-политической ситуации, результаты прорицания подвергаются новому анализу. Гадание, наряду с размышлением, - одно из средств осмысленного предчувствия и планирования будущего, которые были столь нужны средневековым монголам в их беспокойной, полной тревожностями жизни.

Список литературы

1. Мэн-да бэй-лу (полное описание монголо-татар) / пер. с китайского, введение, комментарий и приложение Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975.
2. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М.: Мысль, 1999.
3. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.
4. Тугутов А. И. Птицы петроглифов и «Сокровенного сказания монголов» // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2005.
5. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006.
6. Бира Ш. Түүвэр зохиолууд. Улаанбаатар, 2007.
7. Цэрэнсодном Д. Монголын нууц товчоо. Эрдэм шинжлэгээний орчуулга, тайлбар. Улаанбаатар, 2000.
8. Index to the secret history of the Mongols / by Igor de Rachewiltz. Bloomington: Indiana University, 1972.

**THE PROBLEM OF FUTURE FORESIGHT IN THE MEDIEVAL MONGOLIAN CULTURE
(ACCORDING TO MONGOLIAN, CHINESE AND WEST-EUROPEAN HISTORICAL-LITERARY SOURCES)**

Aleksey Iosifovich Tugutov

*Kalmyk Institute of Humanitarian Researches of Russian Academy of Sciences
uliger@yandex.ru*

The article is devoted to the problem of future foresight by the medieval Mongols. As the markers the author considers prophetic dreams, prophecies, sacral symbolism, fortune-telling and analytical prediction presented in "Mongols' innermost legend" and in the notes of Chinese and West-European travellers. Historical-literary, folk-mythological and religious aspects of the theme are analyzed.

Key words and phrases: medieval Mongolian literature; prophecies; fortune-telling; prediction; folk-mythological symbols; Temüjin - Genghis Khan's fate; Tengriism; Christianity.

УДК 82.091[821.512.36+821.161.1]"653"

Статья посвящена проблемам сравнительно-исторического исследования средневекового русского и монгольского летописания. Рассматриваются вопросы различия и сходства каждой из этих традиций. В результате анализа конкретного материала избирается метод типологического исследования как наиболее продуктивный инструмент для данной научной задачи.

Ключевые слова и фразы: русские и монгольские летописи; историко-сравнительное исследование; сравнительно-типологический подход; средневековая литература; религиозное, историческое сознание.

Алексей Иосифович Тугутов, кандидат искусствоведения, доцент
*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
uliger@yandex.ru*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
РУССКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСНЫХ ТРАДИЦИЙ©**

В данной статье мы попытаемся наметить некоторые подходы к сравнительному изучению русских и монгольских летописей. Эта тема практически не затрагивалась в науке, как на пространстве русской филологии и историографии, так и в рамках монголоведения. Причин тому много.

В первую очередь, это связано, на наш взгляд, с тем, что между русскими и монгольскими летописями не обнаруживается сколько-нибудь значительного общего конкретного историографического материала. Мы имеем в виду именно совпадение фактов, сведений, суждений между разными национальными историко-литературными произведениями. Монгольская тематика обильно присутствовала в русских летописях XIII-XV вв., отражая ход завоеваний и последующих взаимоотношений между Русью и монгольской империей. В то же время в средневековой монгольской историографии русская тематика отражена значительно слабее. В частности, в «Монголын нууц товчоо» (1228 г. - основной текст, §§1-267; 1240 г. или позже - §§ 269-282) - «Сокровенном сказании монголов» (далее *ССМ* или *МНТ*) - о Руси упоминается вскользь.